

Б.И.Коваль

Этический портрет бразильского популизма (1924—1954 гг.)

В статье на принципах этической политологии рассматривается история бразильского популизма 1924—1954 гг. Автор выдвигает оригинальную концепцию духовно-нравственного измерения социально-политической жизни, что позволяет по-новому взглянуть на причины и последствия зарождения и развития взаимодействия различных классов и групп в их борьбе за самостоятельное развитие нации и государства.

Ключевые слова: мораль, политика, популизм, харизматический лидер, социальная синергия.

«Истина так нежна, что чуть только отступил он нее, впадаешь в заблуждение; но и заблуждение это так тонко, что стоит только немного отклониться от него и оказываешься в истине»¹.

Блез Паскаль

Эти слова выдающегося французского философа Блеза Паскаля (1623—1662) я воспринимаю не как красивый афоризм, а как серьезное научное умозаключение. Человек и в самом деле постоянно пребывает в зоне неопределенности и колебаний, как растерявшийся путник на перекрестке дорог: по какой идти неизвестно.

Подобный казус, как ни странно, есть самый естественный и наиболее распространенный факт жизни. В реальном мире границы между «хорошо» и «плохо» подвижны, условны и дырявы. Все зависит от субъективного мнения различных участников общественной жизни. То, что для одного добро, для другого может быть злом. Тут абстрактными разговорами да ссылками на десять заповедей Бога-Отца не обойтись.

Борис Иосифович Коваль — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (t.b.koval@gmail.com).

Греческие философы всерьез занялись моральной проблемой и пришли к выводу о предпочтительности разумного и взвешенного поведения. Мудрый Платон (427—347 до н.э.) писал: «В жизни — как, по возможности, в здешней, так и во всей последующей — всегда надо уметь выбирать средний путь, избегая крайностей; в этом — высшее счастье для человека»². Но может ли этот «средний путь» существовать в нравственной жизни, ведь мораль требует однозначного и категорического выбора в пользу добра и столь же решительного отрицания зла.

Размышляя об этом, Аристотель (384—322 до н.э.) полагал, что следует временно развивать «философию человеческого», чтобы направлять поведение людей не только постулатами божественной добродетели, но и опытом практической деятельности. Особенно важен тезис Аристотеля о так называемой «метриопатии», или умеренности как мыслимой середины между двумя крайностями. В противовес апатии и экзальтации метриопатия понималась как «умеренно-страстие», помогающее жить в качестве свободного «естественного человека», но стремящегося к внутреннему духовному совершенству³.

Вот о такой этической метриопатии в политике я теперь и пытаюсь порассуждать, опираясь на триаду целостного гнозиса — религию, философию и реальный опыт. Это звучит слишком амбициозно, но простительно, если учесть, что речь идет всего лишь о полемических заметках, не претендующих на истину, но ищущих ее.

Жизнь сложнее и богаче любого набора самых возвышенных заповедей и самых суровых религиозных и юридических запретов. Эрих Фромм (1900—1980) образно и точно определил персональную ответственность личности: «Сама жизнь есть искусство, в сущности самое важное и в то же время самое трудное и сложное искусство для человека. В искусстве жить человек одновременно художник и модель, скульптор и мрамор, врач и пациент»⁴.

Люди не ангелы, но и не «дети сатаны». Они — творцы собственной земной жизни, включая ее политическую сферу.

Обычно и теологи, и светские философы исходят из признания полного несоответствия между *сущим* и *должным*, т.е. между жизненными реалиями и нравственными идеалами. По этой логике *должное* (моральное) встречает *сущее* как нечто недолжное, поврежденное грехом и злом. Однако подобный тезис противоречит принципу свободы человека. Поэтому свобода видит в долженствовании несвободу. Мы с пафосом говорим о противостоянии добра и зла, но почему-то обходим стороной сам момент этой нескончаемой схватки. Выбор пути происходит во многом бессознательно, поскольку поначалу человек пребывает в состоянии растерянности и духовного смятения. Нравственные ценности в жизни развитой личности играют роль компаса, но не руля, т.е. определяют направление, но не детерминируют путь. Автономия компаса и автономия руля во многом провоцируется «столкновением различных интересов» и соперничеством между ценностями: одна требует милосердия, другая — справедливости, третья — борьбы со злом, четвертая — непротивления злу насилием и т.д.

«Неразрешимость нравственного конфликта рождает «нерешительность». Но ритм жизни требует немедленного *решения*. Приходится рисковать, брать на себя ответственность возможного греха и ошибки»⁵. Это умозаключение видного русского философа Б.П.Вышеславцева (1877—1954) мне представляется чрезвычайно важным.

Сегодня все энергии нашей внутренней социальности — ум, воля, мораль, духовность, чувственность, творческая свобода и др. — вырвались в пространство неограниченного прагматического плюрализма. Новые веяния истории нахально посмеиваются над старыми и застывшими канонами, хотя многие «архаизмы» (астрология, гадание, колдовство) вновь оживают и удобно устраиваются в теле современной цивилизации⁶.

Пока никому — ни церкви, ни семье, ни государству, ни гражданскому обществу — не под силу «обновить» мораль и тем более придать нравственному сознанию абсолютный приоритет. Мы вынуждены как-то постоянно приспосабливаться к ситуации, искать более гибкие и современные формы этического мышления. Разумеется, существуют определенные правовые нормы и запреты, но сейчас нас интересуют не юридические установления, а внутренние экзистенциальные состояния.

Конечно, глупо и бесперспективно требовать утверждения во всем мире, даже в пределах конкретного общества и семьи, некоей единой нравственной позиции. Однако и прежде, и теперь сохраняют свою силу *универсально-человеческие* (или, как принято говорить, общечеловеческие) ценности. Их лучше всего трактует Библия. Но на Востоке действуют свои моральные принципы.

Главные смыслы высшей сакральной морали за два тысячелетия не пертерпели каких-либо существенных пересмотров, но изменилось их осмысление и использование в реальных жизненных обстоятельствах. Во многом это произошло под влиянием атеистического мировоззрения, экономического и политического прагматизма⁷.

Можно согласиться с мнением Фридриха Энгельса, который развивал тезис, что нигде и никогда не существовало единого и «неизменного нравственного закона». Но вызывает удивление его мысль о том, что «действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике»⁸.

Спрашивается, зачем тогда вообще будет нужна какая-то мораль, коли всякое зло будет «изжито», и полностью восторжествует сплошное «бесклассовое» добро, т.е. коммунизм? Может, Энгельс имел в виду загробное паки-бытие? Нет, конечно. Его волновала именно переделка «земного мира» путем революционного насилия и по лекалам коммунистической идеологии.

«*Действительно* человеческая мораль» это отнюдь не абстрактная божественная субстанция, не комплект общих рекомендаций и табу. Это живое постоянно пульсирующее духовно-нравственное состояние человека, которое включает борьбу всех внутренних энергий как «хороших», так и «плохих». Сопутствующим элементом этой борьбы и является первоначальное смятение духа. Такое переходное состояние можно назвать своего рода «этическими сумерками».

Иммануил Кант отмечал: «Человек может быть доволен или недоволен с прагматической или моральной точки зрения: то и другое у человека очень часто смешано...»⁹.

Это естественное живое «смешение» меня и интересует в первую очередь. Итак, задача состоит в том, чтобы непредвзято взглянуть на психоментальную и нравственную *природу социальности*.

Прежде надо выделить зону *внеморальности*, в которой пребывает не только вся природа, но и сам человек как живой организм. Его физическое существование, пол, возраст, раса, рост и все другие персональные признаки не могут быть оценены в моральных категориях. Это качества природного начала, его плоти, а не духа. Таковы, скажем, половой инстинкт, утоление голода и жажды, труд, лень, любовь, забота о потомстве, симпатии и антипатии и пр. В различных культурах этот набор имеет свою специфику и по-разному воспринимается общественным сознанием.

Природа и ее законы действуют *вне* морали и *до* морали. Нельзя же осуждать дождь или волка, охотящегося на зайца, в том, что их поведение не соответствует нашему пониманию добра и зла.

Если теперь перейти из зоны внеморальности в зону борьбы добра и зла, то мы сразу окажемся перед вопросом — насколько их антагонизм антагонистичен? Почему противостояние не заканчивается победой какого-то одного полюса? Победой окончательной — раз и навсегда? Не правы ли манихеи (сторонники учения персидского христианина — аскета и гностика Мани, III в. н.э.), считавшие, что существуют два равных первоначала — свет и мрак, добро и зло, древо жизни и древо смерти.

Идея равновесия сил добра и зла была столь привлекательна, что в молодости даже Августин Блаженный (354—430) всерьез увлекся манихейской космогонией и этикой. В своей «Исповеди» он искренне раскаивался в этом грехе. С трудом и в утомительной внутренней борьбе Августин отбросил философию Мани и перешел на позицию христианского отрицания субстанциальности зла. Блаженный пришел к выводу, что никакого равенства сил в борьбе между добром и злом нет и быть не может: «зло есть не что иное, как умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения»¹⁰. Я бы обратил внимание на слово «умаление», смысл которого означает, что мораль (добро) лишь постепенно, а не вдруг и сразу, превращается в «ноль», т.е. в антимораль. Я же говорю именно о процессе перехода, но не о его завершении. Многие богословы утверждали и утверждают, что зло есть лишь отсутствие добра. Смысл проблемы от этого не меняется, ибо абсолютные полюса на «перепрыгивают» друг через друга, а медленно «умалются» или укрепляются с обоих концов.

Речь идет сейчас не о богословии и светской этике, а о психоментальной жизни реальных, но не идеальных людей. Неслучайно, религиозные мыслители многократно признавали сложную диалектику отношений между добром и злом в их практическом значении, вплоть до их переплетения и перемены местами. Добро нередко ведет ко злу и, напротив, зло оборачивается добром. Проще говоря, в воспитательных целях некоторая доля зла может принести пользу и способствовать победе добра.

Великий Гете выразил особую диалектику этой мистической связи морали и антиморали в следующем диалоге: Мефистофель на вопрос доктора Фауста «Ты кто?» отвечает: «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла»¹¹.

Если же спросить самого человека «Ты кто?», то он может ответить: «Часть силы, что почти всегда, лишь зло творит ради добра». И действительно, многим людям, даже экзальтированному доктору Фаусту, присущи некие промефистофельские устои и привычки. В ином случае коварный Искуситель никогда бы не смог затянуть человека в свои сети.

Соглашусь с Фридрихом Ницше в том, что «все-таки и теперь еще нет недостатка в местах, где борьба продолжается вничью»¹². Вот почему настало время трезво оценить реальную ситуацию.

На спиритических сеансах, когда призванному духу задают ответить на вопрос «ты жив?», он всегда уверенно отвечает: «нет». Такой же ответ дает нам и категория имморальности, т.е. смятения, растерянности, колебания между добром и злом.

Нынешняя ситуация в мире характеризуется неким общим ослаблением моральных требований. Декадансы духа бывали и прежде. Они объясняются как общими историческими обстоятельствами — войны, эпидемии, резкие социальные перемены и пр., так и противоречивостью самой человеческой природы. Великий Данте (1265—1321) говорил, что, большинство «живет наподобие детей, следуя чувству, а не разуму; и такие люди познают вещи не иначе как только снаружи, и их качества, предрасположенные к должной цели, они не видят, так как глаза разума способные усмотреть эту цель, у них закрыты»¹³. Такие натуры не способны без поводырей разобраться что к чему и предпочитают пассивно подчиняться чужой воле или плыть по течению.

Однако при такой ситуации, говоря словами выдающегося французского мыслителя Анри Бергсона (1859—1941), не происходит реального «соприкосновения духа и материи»¹⁴. Понятие «духа» я не ограничиваю рамками религиозного сознания, а, напротив, расширяю до общего объема и качества творческой энергии человека. Новые поколения, не отбрасывая накопленный этический опыт предшествующих эпох, на свой лад формируют актуальные ценностные ориентиры и цели собственного бытия, избирают новые средства и пути дальнейшего движения вперед. Одни остаются в рамках религиозного сознания, другие проповедуют атеизм, третьи уклоняются в сторону аморализма, остальные стоят в растерянности на «третьем пути» имморализма. Любопытно, что нередко все эти стереотипы удивительным образом «толкуются» в психике и сознании отдельно взятого индивидуума. Смесь темного и светлого образует ту живительную влагу, которая питает общий прогресс. И, так, повидимому, будет всегда. Разобраться в этом хаосе весьма непросто.

Всем скорее всего известно древнее выражение «цель оправдывает средства». Этот принцип положил в основу своего морального катехизиса (наставления) монашеский орден иезуитов, созданный Игнасио Лойолой в

середине XVI в. под титулом «Phalanx Iesu» (Дружина Иисуса). С тех пор термин «иезуитство» стал ассоциироваться с цинизмом и ложью. И до, и после Лойолы монархи, властвующие политики, даже церковные иерархи, деловые люди, не говоря уже о простолюдинах, руководствовались этим аморальным, но результативным правилом. Оно сохраняет свою популярность и в наши дни, особенно в политике и бизнесе.

Карл Маркс, надев на себя тогу добродетели и гуманизма, предложил свою формулировку: «...цель, для которой требуются неправо́ые средства, не есть право́ая цель»¹⁵. В абстракции эта сентенция звучит очень нравственно и красиво, но тайное ее иезуитство кроется в прилагательных — «право́ая» и «неправо́ые». Как и кто придает целям и средствам позитивный или негативный смысл? Ведь нередко так называемая «право́ая цель», т.е. по форме хорошая, справедливая, полезная, на деле оказывается вредной, ложной и даже реакционной. Каждый толкует «право́ту» на свой лад. Марксисты, как известно, подразумевали под самой «право́ой целью» свержение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата. А под самыми «право́ыми средствами» — революционное насилие. На мой взгляд, подчинение высших критериев нравственности любому «классовому интересу» есть всего лишь особая форма политического аморализма. Я придерживаюсь того мнения, что начало всякого выбора целей и средств лежит в ценностных ориентациях. Они могут быть как позитивными (нравственными), так и негативными (аморальными), но в любом случае без них нельзя обойтись. При этом, как свидетельствует история, нравственные идеалы нередко противоречат конкретным выгодам и интересам. Объективные условия, конечно, часто заставляют нас вести себя определенным образом, но это уже будет не свободный моральный выбор, а вынужденный шаг. Под пытками человек способен оклеветать своих друзей и даже самого себя.

Цель может быть единственной, но средств ее достижения много и разных. Это значит, что и цель, и средства формируются под прямым влиянием моральных ориентаций. По словам Льва Толстого, «Сатану нельзя изгнать сатаной, неправду нельзя очистить неправдой, и зло нельзя победить злом»¹⁶. И в этом он прав. Часто учение Толстого понимают не в нравственном, а буквальном смысле. Потому он был вынужден подчеркнуть, что «Учение о непротивлении злу насилием не есть какой-либо новый закон, а есть только указание на неправильно допускаемое людьми отступление от закона любви»¹⁷. К сожалению, такое «отступление» остается чуть ли не главным правилом нашего грешного бытия.

До сих пор мы рассуждали в поле абстрактных и «чистых» понятий морали и антиморали. Однако стоит только спуститься с высот нравственного идеала на землю, как сразу обнаруживается огромная иррациональная сумятица, легко нарушающая все табу и каноны. Один и тот же человек в каких-то обстоятельствах выглядит как добрый семьянин или законопослушный гражданин, а в других — выступает жестоким самодуром и хамом. В индивидуальной и групповой экзистенции могут прекрасно сосуществовать даже противоположные чувства. Опираясь на эти идеи, подойду, наконец, к анализу практического воплощения морали в политике. Для примера я избрал Бразилию.

Говоря о бразильском историческом популизме прежде надо понять о каком *предмете* идет речь? Как подходить к раскрытию его сущности? С чего начать? С описания конкретных фактов или с определения общей исходной идеи? Факты истории принадлежат объективному миру. Они не являются плодами нашей мысли или воли. Теперь, спустя годы, мы можем только *a posteriori* мыслить о них, стремясь понять причины и смысл произошедшего.

Откажемся от повторения многочисленных описаний, сосредоточимся на свободных размышлениях. Воспользуемся опытом богословской методологии. Она представляется мне весьма полезной. Согласно Библии и многим религиозным трактатам, богопознание происходит двумя путями — *апофатическим* и *катафатическим*. *Первый* строится на отрицании всякого пантеизма, т.е. отождествления Бога с природой и миром, начинается с выяснения того, что «Бог не есть». Сначала апофатики исключают из понятия Абсолюта все тварное, вещественное, материальное, даже космос, ибо их сотворил Бог, но Он не есть свое собственное творение. Затем за скобки выносятся все, даже самые возвышенные человеческие атрибуты — благость, ум, любовь, милосердие, совесть и др., ибо они также дарованы Создателем. И, наконец, делается вывод, что Бог выше всякого человеческого познания. Второй путь — *катафатический* — исходит из позитивного признания Бога как Творца мира и жизни, к его высшим энергиям относятся любовь, истина, премудрость, благо, добро, справедливость и другие трансцендентные субстанции. Через них Бог открывает себя людям. Его образ выходит за сферу существования человека и мира, за пределы всякого чувственного и ментального опыта. Он невидим, неосязаем, непостижим, необъятен.

Такой двусторонний подход я и намерен использовать для начального определения феномена популизма. Итак, сначала признаем, что *не есть* популизм? Он не есть: какое-либо классовое или узкополитическое явление, ибо шире их; партия или иной общественный институт, ибо почти не организован; гражданское общество, которое шире всякого популизма; религиозная вера или чья-то идеология, ибо в основе бессознателен и стихичен, поликонфессиален и идейно не структурирован; это не национализм, патриотизм, революционаризм или какие-то иные устойчивые течения мысли и поведения, взятые сами по себе. Все эти и другие явления, безусловно, связаны с популизмом, но не есть он сам. Так чем же он является? В чем состоит его самость и оригинальность, его мистическая сила? Я пока имею в виду, так сказать, «чистую» идею популизма как особого социального феномена. Лишь после этого мы сможем по-настоящему раскрыть его реально-конкретное содержание, национальную и историческую специфику, роль и значение, его внутреннюю энергетику. Грубо говоря, популизм, как я полагаю, *есть*: общее и специфическое состояние духа разнообразных групп населения, можно сказать, широких масс или даже народа; это явление в основе является стихийным, спонтанным неосознанным, хотя постепенно самоорганизуется. Это феномен обычно является особой формой инстинктивного активного патриотизма; популизм в ряде случаев эволюционирует от стихии к партийно-политическому движению и опреде-

ленной идеологии; особую роль в популистских движениях играют харизматические вожди, причем они нередко возникают как бы случайно, но быстро приобретают авторитет и признание, особенно в глазах низовых слоев; популизм является самым ярким и полным воплощением массовой энергии психоэмоционального комплекса *Ressentiment* — отчаяния, обиды, зависти, стихийной агрессивности, стремления отомстить всем за свою несчастную судьбу и т.п.; на основе комплекса *Ressentiment* возникают и развиваются примитивные революционаристские настроения с ориентацией на создание более справедливого существования. На каком-то этапе комплекс *Ressentiment* способен преобразоваться в комплекс психоэмоциональной экзальтации и «прямого действия»; националистические круги буржуазии, интеллигенции, некоторые группы офицерства и подчиненные им солдаты, даже часть богатых землевладельцев, бедное сельское население — все эти и другие слои на какое-то время сплываются в общей борьбе.

В итоге рождается временная и, так сказать, ситуативная *синергия* различных сил. Благодаря этому важнейшему фактору появляется возможность крупных перемен общенационального и даже исторического масштаба; популизм способен носить как прогрессивный, так и реакционный характер. К первому типу можно отнести национально-освободительные, антиолигархические и антифашистские движения. Ко второму — сам фашизм, а также расизм, религиозный фундаментализм и пр.; истинный популизм это не иезуитская популистская политика правящих элит, которые лишь паразитируют на протестной энергии масс ради достижения собственных эгоистических интересов; для всех форм популизма более свойственен принцип «contra» нежели принцип «pro».

Массы ощущают жгучую потребность в протестном действии против существующего порядка вещей, но слабо представляют, за что же они борются и жертвуют жизнью. Им кажется, что позиция «против» автоматически отождествляется с позицией «за», которую призваны определять и объяснять харизматические вожди. Массы не могут самостоятельно сформулировать свои устремления, но способны легко и сразу превращать эмоции в активные действия. В этом состоит особая энергия популизма. Можно сказать, что популизм как реальность, а не научный термин относится к классу особых социальных феноменов. Это не обязательно «прямое действие», но специфическое состояние духа, общее устремление к переменам, ситуативная и временная синергия многообразных общественных сил. Это своего рода «внутренний» патриотизм.

Пойдем дальше. На мой взгляд, следует различать два типа популизма: естественный, натуральный, спонтанный «выброс» протестной энергии, точнее — синергии различных социальных групп; искусственно инспирированное «сверху» или «сбоку» движение под руководством прожженных харизматических вождей, спекулирующих на отсталости масс и их чувстве *Ressentiment*. Итак, одно дело реал-популизм, и совсем другое квазипопулизм. Они смешиваются и даже сливаются воедино, но все же это два разных типа социальной активности.

Общая композиция популизма, которую я нарисовал, в принципе не противоречит мировой историографии. Так, например, выдающийся аргентинский социолог Джино Джермани еще 50 лет назад подчеркнул идею о том, что основу популизма составляют «народные классы», т.е. «большин-

ство, которое не имеет высокого престижа, власти, образования, экономического благосостояния и т.д.¹⁸. Такую же оценку дает и другой не менее известный аргентинский социолог Торкуато С. Ди Тела, рассматривая популизм как специфическую форму «политического движения, которое опирается на поддержку масс городского пролетариата и крестьянства, но которое не является результатом действия самостоятельной организационной силы каждого из них. Это движение пользуется поддержкой и непролетарских секторов, придерживающихся идеологии, направленной против сохранения статус-кво»¹⁹. В этой формулировке остается неясным, *кто* «опирается» на поддержку масс? Кто придерживается «идеологии anti status-quo»? То ли какие-то анонимные группы, то ли харизматические вожди? Сами же массы оказываются всего лишь игрушкой в руках «иных сил». Так оно и бывает.

Многие философы и социологи крайне критически настроены в отношении «массового среднего человека», способного якобы лишь на разрушение, но не на созидание. Думаю, что это совсем не так. Единственный путь для вторжения масс в политику — прямое действие, насилие, протест. Когда и другие слои также пропитываются энергией протеста, возникает возможность *союза согласных лишь в несогласии* с существующим политическим режимом. Есть немало ученых, которые в принципе отрицают возможность даже временного союза тех, кто в «нормальных условиях» ощущают себя врагами. Скажем рабочие и предприниматели, крестьяне и помещики. Такая позиция была присуща марксистской историографии. Популизм рассматривался ею либо как особый вариант буржуазно-националистической и лживой политики, либо как иллюзия, самообман и ловушка для широких трудовых слоев. Нередко популистские движения отождествлялись с реакцией. Замечу, что все призывы коммунистов к «истинно народной» демократической революции, «единству народа и партии» и т.п. по сути дела являлись попыткой возбудить и обуздать именно популистскую энергию в своих политических целях.

При разработке любой темы необходимо с самого начала выделить ее основные «несущие конструкции». В противном случае мы будем блуждать в потемках. Правильно поставить задачу значит уже наполовину ее решить! В высотах сакральной этики или в рамках жесткой политической идеологии все выглядит четким и однозначным. Ясно, где добро и зло, кто враг и друг, каковы идеалы и прочее. В паутине конкретных жизненных обстоятельств все оказывается непостоянным, относительным, противоречивым. Приступая к прорисовке бразильского популизма, я по наивности думал, что сделаю это легко и просто. Такая уверенность базировалась на личном опыте многолетней исследовательской работы по проблемам бразильской истории и весьма богатой отечественной историографии.казалось, что достаточно будет ограничиться небольшим «косметическим ремонтом». Однако по ходу дела возникло острое желание «переделать» всю картину и нарисовать новый портрет бразильского популизма.

Ясно, что ни бесконечное дробление материала, ни пространное цитирование «чужих мнений» с претензией на объективность недостаточны для выполнения этой задачи. Говоря словами известного американского ученого А.Лео Оппенгейма, «портретирование», т.е. выборочное изображение самого главного, — вот, как мне кажется, единственный путь к цели.

Портрет, опуская подробности, передает индивидуальное, стремится уловить в человеке главное...»²⁰. Такой метод я и собираюсь применить в этом разделе.

Популизм как естественное «извержение» стихийного массового протеста обычно возникает в кризисных ситуациях. В обычные времена для него не хватает накала страстей, которые бы превзошли эгоистические интересы различных и даже враждебных друг другу классов, кланов и групп. В чрезвычайных обстоятельствах «внутренние» противоречия отходят в сторону, уступая место всеобщему ажиотажу совместных действий.

Активная жизнь бразильского популизма началась в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., а конкретно в 1930 г. в ходе так называемой «либеральной революции». В предшествовавшие несколько лет (1922—1929) постепенно созревали субъективные предпосылки для серьезного политического сдвига в жизни страны. Важнейшую роль на этом этапе сыграло «тенентистское движение» во главе с Луисом Карлосом Престесом и другими лидерами восставшего младшего офицерства²¹. В первом обращении тенентистов к народу, опубликованному в газетах 10 июля 1924 г., говорилось: «Новое движение носит патриотический характер... Одна из наших главных целей — замена нынешнего правительства... Армия не имеет каких-либо притязаний на власть... Армия хочет видеть Родину истинной республикой с господством принципов морального единства, патриотического сознания, административной честности и высокой политической ответственности»²². Против правительства Артура Бернардеса, за спиной которого стояла кофейная олигархия, в те годы выступали и буржуазно-помещичьи кланы скотоводческих штатов. Сложилась ситуация частичного совпадения тактических задач буржуазно-помещичьей оппозиции и революционеров.

В городах против реакционной власти вели борьбу профсоюзы и часть рабочего класса во главе с коммунистами. Компартия Бразилии была создана в 1922 г., но долгие годы оставалась очень малочисленной и слабой. К тенентистам КПБ относилась крайне недоверчиво и даже враждебно как к движению мелкобуржуазного образца. На сторону тенентистов на отдельных участках похода Колонны Престеса переходили и боевые группы крестьян-бедняков (конгасейрос), которых возглавляли всякого рода атаманы бандитского типа. Тем не менее «раскачать» отсталое крестьянство не удалось.

Постепенно все же стали проявляться явные тенденции популистского характера. Под влиянием мирового экономического кризиса 1929 г. и в связи с ожесточенной кампанией по выборам президента популизм наконец приобрел реальные очертания широкого и перспективного явления всей политической жизни страны. В борьбе за президентский пост буржуазно-оппозиционные силы образовали в июне 1929 г. свой предвыборный блок — Либеральный альянс. Кандидатом на пост президента им был выдвинут губернатор штата Рио-Гранде-де-Сул Жетулио Дорнеллас Варгас. Но на выборах 1 марта 1930 г. убедительную победу одержали консерваторы, выражавшие интересы кофейных магнатов штата Сан-Пауло и их кандидат Жулио Престес. В целях привлечения на свою сторону широких слоев Варгас вступил в тайные переговоры с Престесом, склоняя тенентистов к боевому союзу. По воспоминанию Престеса, вождь либералов заявил:

«Для того чтобы национальная революция увенчалась победой, необходимо соединить политическую силу Либерального альянса с военным опытом тенентистского движения»²³. Варгас прямо намекнул, что сам Престес мог бы занять в новом правительстве пост военного министра.

Большинство тенентистов во главе с Жуаресом Таворой и Жоаном Алберто с готовностью пошли на сотрудничество с либералами. Небольшая группа сподвижников Престеса отказалась блокироваться с Варгасом и решила продолжать борьбу против олигархии самостоятельно в целях совершения «народной революции демократического и аграрного характера»²⁴. В итоге тенентистское движение распалось. Престес и еще несколько человек вскоре начали сотрудничать с коммунистами и оказались в стороне от популистского потока.

Блок либералов и большинства тенентистов при поддержке масс в октябре 1930 г. совершил победоносный переворот. Произошла так называемая «либеральная революция». Буржуазные историки выдают события 1930 г. за действительную «народную революцию» антиолигархического и антиплутократического характера. Сам Варгас и его соратники заявляли, что они борются за «победу истинно великой общенациональной либеральной революции, защищающей интересы всего народа»²⁵.

Коминтерн, бразильские коммунисты и советские историки (и я в том числе) рассматривали «либеральную революцию» как своего рода верхушечный военный переворот одной буржуазно-помещичьей группировки против другой, как своего рода «превентивную контрреволюцию». Популизм в этом контексте оценивался негативно и даже как тормоз на пути к «истинно народной демократической, антиимпериалистической и аграрной революции» с перспективой на социализм. В документах Коминтерна 1935 г. отмечалось: «В 1930 г. «оппозиционному блоку» буржуазии и помещиков (Либеральный альянс) удалось свергнуть старое правительство и овладеть властью путем использования стихийного революционного массового движения, а также различных мелкобуржуазных группировок, выступавших против старого консервативного правительства, но неспособных к действительно антифеодальной и антиимпериалистической борьбе. Так возникло нынешнее помещичье-буржуазное правительство Варгаса, опирающееся главным образом на США»²⁶.

В этой формулировке содержались некоторые верные характеристики о борьбе против кофейной олигархии и ориентации либералов на поддержку США. Однако никакого «стихийного революционного массового движения» как самостоятельного и сильного фактора в стране не было. Стихия была, массы были, но их сознательного и организованного «революционного движения» не было. Были популизм, возбуждение, протестные настроения рабочих, городских средних слоев, мелкой буржуазии, действия которых переплелись воедино с либерально-политической умеренной и реформистской тенденцией. Одним словом, наметилось быстрое нарастание синергии различных антиолигархических сил. Справиться с этим уже никакая реакция не могла. В авангарде действовали тенентисты, за ними шли массы. Идеино-политическое обеспечение было за либералами. А на обочине «большой политики» обретались самые радикально-революционные, но разрозненные силы «левых» престистов и коммунистов.

Максималистские настроения тенентистов и левореволюционная линия коммунистов, как ни странно, даже способствовали движению Варгаса и тому, что его правительство установило диктаторский режим. Вождь «правых» тенентистов, вошедших вместе с либералами во власть, Жуарес Тавора утверждал, что «Бразилии нужен абсолютный диктатор, который навел бы революционный порядок и установил дисциплину»²⁷. Эту же идею проводил и Варгас: «Бразилия, — заявлял он, — является одним огромным госпиталем... Народ Бразилии — это слабый и болезненный народ. Стране нужен врач — диктатура»²⁸. Все эти разноречивые, но категоричные суждения свидетельствуют о чрезвычайной сложности и запутанности политической борьбы в 30-х годах. Таким образом, бразильский популизм оказался плодом воздействия и переплетения сразу нескольких объективных и субъективных факторов: мирового экономического кризиса; кризиса многолетнего всевластия кофейной буржуазно-помещичьей олигархии; ослаблением позиций английского капитала и ростом влияния США; нарастанием политических амбиций национальной буржуазии; обострением социальных противоречий в стране; ростом междоусобной борьбы региональных кланов; расколом вооруженных сил; резким всплеском общего психологического и морального возбуждения низов (комплекс *Ressentiment*).

Если взглянуть на поведение политических сил с позиций этического измерения, то мы придем к следующим выводам: к 1929 г. основные участники политического процесса, тенентисты и либералы, оказались в морально-политическом смятении, не зная, какую позицию занять. Выбор, перед которым встали тенентисты, явился столь сложным, что движение раскололось. Большинство приняло сторону Варгаса, т.е. отказалось от продолжения собственной революционной традиции. Престистское меньшинство сохранило верность идеалам, но оказалось в политическом проигрыше.

Как оценить такой поворот? Кто поступил морально и кто аморально? На мой взгляд, вывод должен носить некий средний, метропатический смысл, поскольку невозможно оценивать эти события в категорических понятиях добра и зла. Оба качества переплетались между собой. То же самое можно сказать и в отношении либералов. Варгас и его сторонники как бы предавали общие интересы буржуазно-помещичьей элиты и шли на союз с ее заклятыми врагами. Это было по большому счету аморально. Однако, с другой стороны, Либеральный альянс выступал против диктатуры кофейной олигархии за демократию и развитие, т.е. действовал в интересах всей нации, что следует оценить положительно даже по самым строгим этическим оценкам.

«Либеральная революция» по своей форме выглядела государственным переворотом — быстрым и почти бескровным. Однако благодаря популистской энергии, охватившей всю страну, благодаря воле и решительности боевого тенентистского ядра «октябрьский переворот» неожиданно для всех стал масштабным. В известной мере в этой модели по-новому воплотились исторические традиции предпочтения относительно «мирных» и некровавых насильственных потрясений. Можно сказать, что революция 1930 г. была исторически неизбежной. Если бы тенентисты в октябре не совершили переворот, и власть перешла бы в руки законно избранного президента Жулио Престеса, страна пошла бы по иному пути. Но все равно, раньше или позже, антиолигархическая синергия взяла бы свое и сверг-

ла старый режим. Никаких условий и возможностей для дальнейшего гегемонизма кофейной олигархии или «народно-демократической революции» в Бразилии не существовало.

Композиция новой власти сложилась на соединении трех главных и во многом противостоящих ингредиентов: либерализма, популизма и авторитаризма. В качестве «гарнира» к основному политическому блюду прилагались «специи» — реваншистские поползновения консервативной кофейной олигархии, забастовочное движение пролетариата и деятельность компартии на левом фланге, а также развитие профашистских тенденций партии «Интегральное действие» (Accão Integralista), созданной при поддержке Германии в 1932 г., — на правом. К этому следует добавить прямое и косвенное соперничество между Англией, США и Германией за влияние на Бразилию.

Одним словом, ситуация сложилась весьма непростая. В итоге довольно быстро оформился специфический политический режим, который я бы назвал *либерально-популистским авторитаризмом*. Начиная борьбу за власть на выборах президента, либералы и не помышляли о каком-либо популизме. Их захватила обычная политическая суэта, они искали союзников, вырабатывали свою программу, заигрывали с избирателями. Даже после октябрьского переворота они в ряде городов силой подавляли неконтролируемые выступления масс, однако довольно быстро поняли, что лучше всего не умалять энергию народа, а, напротив, развивать ее, но под своей идеологической и политической эгидой. В итоге им удалось «оседлать» популизм. Это была историческая победа Варгаса, которая изменила весь ход бразильской истории.

На волне раннего (антиолигархического) популизма победители смогли достаточно легко в 1932 г. подавить реваншистское вооруженное выступление так называемых «конституционалистов» (сторонников прежней власти) и установить диктаторский стиль правления, опираясь на военный и политический авторитет тенентистов. Многие из последних получили посты губернаторов или полновластных правительственных интервенторов (уполномоченных в регионах и на производстве). Массовый энтузиазм, вызванный победой «либеральной революции», служил самой важной предпосылкой ее дальнейшего успеха. С целью изменения политической и экономической системы в свою пользу правительство Варгаса сумело провести ряд важных реформ, в том числе и в социальной сфере. Особенно впечатляющим шагом явилось новое рабочее законодательство¹⁵. В 1934 г. была принята новая конституция, а сам Варгас избран президентом страны²⁹. Четырехлетний период стихийного «антикофейного» популизма завершился. Наступило время постепенного «умиротворения» страны и целенаправленной трансформации раннего популизма в особый тип социального сотрудничества «верхов» и «низов». Президент Варгас объявил себя «отцом всех бразильцев — и бедных и богатых», чтобы защитить нацию от ее внутренних и внешних врагов. Под внутренними врагами понимались все оппозиционные силы как «левого так и правого толка. Подавляющая масса пролетариата поддержала социальную политику Варгаса. Так или иначе Варгасу удалось перевести популистские настроения на рельсы социального партнерства под эгидой «патриотической власти». Сам он как-то незаметно превратился в популярного и авторитетного харизматиче-

ского лидера. По конституции 1934 г. президент получил почти неограниченные полномочия.

Казалось бы для популизма наступили «райские времена», но, как часто бывает, достигнув апогея движение вдруг стало быстро увядать. Почувствовав свою силу, Варгас начал вытеснять амбициозных тенентистов из правительственных структур, что вызвало их раздражение и обиду. В регионах на места правительственных интервенторов назначались чиновники-либералы. С олигархией Сан-Пауло удалось достичь компромисса. По сути дела в стране установился авторитарный режим узурпировавшего власть президента. Он еще пользовался поддержкой масс, но теперь Варгас сделал ставку на проправительственные профсоюзы и городские средние слои. Все это привело к перегруппировке социальных сил. С этической точки зрения все участники политического процесса и на этом этапе вели себя довольно лицемерно, легко сочетая и разъединяя мораль и антимораль в своей политике. Ложь, демагогия, закулисные маневры вкупе с прямым подавлением всех реальных и потенциальных «врагов» власти заполонили собой все пространство. В то же время правительство Варгаса умело и решительно проводило в жизнь социальные реформы общенационального значения. Это привлекало на его сторону трудовые и средние слои. Но, пожалуй, все же тенентисты и массы остались в дураках, а всю власть сосредоточила в своих руках новая элита.

В этих условиях компартия и престисты с подачи Коминтерна решили реанимировать убывающую энергию популизма и перевести ее в русло вооруженной борьбы против нового авторитарного режима. Стратегическая цель левых сил состояла в том, чтобы искусственно вызвать гражданскую войну и захватить власть. Эта кровавая авантюра породила период общенациональной политической и моральной турбуленции.

В соответствии с установкой Коминтерна, группа «левых» тенентистов во главе с Луисом Карлосом Престесом в сентябре 1934 г. как вариант народного фронта создала Национально-освободительный альянс (Aliança Nacional Libertadora, ANL) с целью борьбы за «образование правительства, представляющего интересы бразильского народа, правительства, в котором сможет принять участие каждый по мере своих сил и возможностей»³⁰. Незадолго до этого Престес вступил в ряды КПБ и даже был избран в Исполком Коминтерна. В секретных документах Коминтерна от 19 мая 1935 г. указывалось, что «центральным должен стать лозунг «Вся власть Национально-освободительному альянсу»³¹. Руководство КПБ предложило свой вариант: «Вся власть компартии и Советам!» и поначалу даже отказывалось войти в состав ANL, считая его программу недостаточно радикальной. В течение почти года ANL, как ни странно, действовал легально, проводил митинги, издавал газету «A Pátria» и вел активную антиправительственную пропаганду. Поначалу Варгас, по-видимому, не опасался этого, но на всякий случай 4 апреля 1935 г. подписал Закон о национальной безопасности. По закону запрещалось «подстрекать военных и полицейских к нарушению дисциплины или неподчинению, а также к бунту и дезертирству, которые

являются попытками изменить насильственными действиями частично или полностью конституцию 1934 г. и установленную ею форму правления»³².

Этот указ только подлил масло в огонь и стимулировал тайную работу престипов в армии. В итоге часть офицерства и солдат втянулась в заговор. В некоторых гарнизонах тайно стали действовать «революционные комитеты». Когда полиция доложила об этом президенту, он 11 июля 1935 г. издал декрет № 229 о полном запрещении альянса и ряда других демократических организаций. С соседними государствами (Аргентина, Чили, Перу, Уругвай, Колумбия, Эквадор) были заключены соглашения о совместных действиях против «коммунистической угрозы».

В этой крайне обострившейся обстановке альянсисты по специальному решению ИККИ в спешке и без надлежащей подготовки перешли к открытым боевым действиям. В ноябре начались вооруженные выступления в столице (тогда Рио-де-Жанейро), на северо-восточных военных базах, в городах Ресифи, Натале, в штате Парана и ряде других населенных пунктов и гарнизонов. Все восстания и мятежи были быстро и легко подавлены. Городские слои и абсолютное большинство военнослужащих остались на стороне Варгаса и искренне опасались победы «коммунистического дьявола».

Варгас торжествовал полную и абсолютную победу. В политической истории Бразилии наступил новый этап, и начался он с введения самых суровых репрессивных мер. Существенные трансформации произошли и в характере бразильского популизма.

Если отвлечься от конкретных событий 1935 г. и сосредоточиться на их этическом измерении, можно прийти к ряду неожиданных и нетривиальных выводов. Мой подход во многих случаях не соответствует общепринятым политическим оценкам и даже противоречит им. Объясняется это тем, что этику в отличие от рациональной политики интересует не только и даже не столько результат тех или иных действий, не их историческое значение, сколько внутренняя мотивация, состояние духа, средства борьбы за достижение цели. Скажем, насилие позволяет эффективно добиться цели. Этот успех можно оценить позитивно. Однако нельзя забывать, что само насилие есть средство аморальное, антигуманное. В этом смысле оно есть злодеяние, но приносящее пользу. Вспомним слова Мефистофеля о том, что зло творится нередко ради добра. Если подойти к истории 1935—1936 гг. с этой стороны, то обнаружится весьма странная композиция: добро и зло так тесно переплелись, что разделить их не представляется возможным.

Возьмем, к примеру, ноябрьские восстания 1935 г. Прежде, следуя установке Коминтерна, я оценивал их как наиболее героические и революционные действия. И эту сторону дела нельзя сбрасывать со счета. В то же самое время следует признать их авантюрный и экстремистский характер, обманную политику Коминтерна и КПБ, их расчет на искусственное развязывание гражданской войны. Итогом такого курса явились поломанные судьбы многих людей, немалые человеческие жертвы и главное — укрепление авторитарной власти и ослабление популистской синергии. Такой результат никак нельзя оценить позитивно.

Введение жесткого террора, аресты сотен альянсистов, коммунистов и их наивных симпатизантов посеяли страх и растерянность. Это было явно аморальное поведение властей, но, с другой стороны, Варгас и его прави-

тельство отвели кровавую гражданскую войну и тем спасли нацию от еще больших жертв. В 1935 г. популизм по инерции послужил Варгасу, но под влиянием новых обстоятельств и в соответствии с общей социальной политикой правящей элиты приобрел новый облик, который я бы назвал синдикально-корпоративистским и управляемым «сверху» популизмом.

В 1937 г. наступил особый этап в истории Бразилии. После победы над «красной революцией» 1935 г. и в целях резкого усиления вертикали авторитарной власти Варгас в ноябре 1937 г. и объявил о создании «Нового государства» (Estado Novo). На этот раз жетулисты, как стали называть сторонников Варгаса, не стали дожидаться очередных президентских и парламентских выборов 1938 г. и заранее перешли в наступление. Запуганный и запутавшийся народ никак не отреагировал на провозглашение «Нового государства». Городские трудящиеся даже, скорее, встретили корпоративистскую идею позитивно. Сельские массы остались пассивны. Политическая оппозиция оказалась отстраненной и раздробленной. Важной находкой Варгаса явилась его ставка на поддержку проправительственных профсоюзов. Эта линия стала началом того, что позже получило наименование трабальизма (от порт. «trabalho» — труд). Под этим термином подразумевалась особая форма политика «социального партнерства» в условиях авторитаризма.

Важным шагом Варгаса, способствовавшим частичной реанимации популизма, явился декрет от 2 декабря 1937 г. о роспуске всех политических партий. Это был существенный удар по оппозиции, в том числе и по созданной еще в 1932 г. профашистской партии интегралистов (Acção Integralista), с которой либералы до этого тесно сотрудничали в совместной борьбе против коммунистов и ANL. Интегралисты расценили запрет как предательство и удар в спину. Acção Integralista уже превратилась в достаточно массовую и сильную партию. Общее число ее членов и симпатизантов достигало 400 тыс. человек³³. Они были хорошо организованы и имели более 3 тыс. низовых организаций, издавали 5 ежедневных и 130 еженедельных местных газет, получали большие деньги из Германии. Интегралисты рассчитывали, что после 1935 г. их позиции укрепятся, но просчитались. Возникло жгучее желание отомстить за обман, и даже был разработан план свержения Варгаса. 11 мая 1938 г. интегралисты организовали вооруженное нападение на президентский дворец, но путч был быстро подавлен. Большую группу интегралистов арестовали и посадили в те же тюрьмы, где уже находились репрессированные после 1935 г. альянсисты и коммунисты.

«Новое государство» твердо встало на ноги, предопределив ход политического процесса вплоть до 1945 г. Те популистские настроения, которые преобладали в годы «Нового государства» и которые Варгас тщательно развивал, существенно отличались от своего романтического и наивного прародителя, т.е. популизма 1930 г. Тогда он питался стихийной синергией экзальтированных масс и тенентистов. Теперь же популизм приобрел, так сказать, рассудочный и приспособленческий характер. Он уже исходил не из противостояния власти, а из сотрудничества с ней. В принципе это было в чем-то хорошо для народа, а в чем-то плохо. Прагматические интересы

многих людей совпадали, но они уже не несли в себе прежнего синергийно-патриотического содержания. Страна и нация как бы застыли в фазе относительного благополучия и навязанного сверху умиротворения. Революционная эпоха закончилась.

Корпоративистская идеология и практика воочию показали свою высокую политическую и социальную эффективность. Это позволило правящей элите спокойно и уверенно проводить реформы в пользу развития государственного сектора национальной экономики. Власть смогла отрегулировать трудовые отношения, отбросила на обочину левых и правых противников режима, помогла постепенно укрепить связь с США и ослабить экспансионистские притязания немецкого фашизма. Авторитет и популярность Варгаса необыкновенно возросли, а его харизма как «национального вождя и благодетеля» стала поистине экстраординарной. Когда же Варгас в 1939—1940 гг. стал все больше развивать тезис о развитии демократии и опасности фашизации, то симпатии многих его противников, в том числе даже коммунистов, вновь склонились в его сторону.

Наметился новый, на этот раз демократический подъем популизма. Престес, отбывающий, как и многие его товарищи, тюремное заключение в одном из своих писем отмечал: «Перед любой фашистской угрозой мы, альянсисты, стоим по другую сторону баррикад и тем самым поддерживаем Жетулио»³⁴. В годы Второй мировой войны Варгас некоторое время сохранял нейтралитет и пытался поначалу лавировать между Германией и антигитлеровской коалицией. Когда же он узнал о том, что Гитлер рассчитывает построить в Бразилии «новую Германию»³⁵, его терпению пришел конец. В августе 1942 г. Бразилия объявила о состоянии войны со странами «оси» на стороне антигитлеровской коалиции. Это решение вновь сплотило народ вокруг Варгаса и его правительства. Лишь самые реакционные группы, особенно из числа высшего генералитета и крупных предпринимателей, сотрудничавших с немецким капиталом, продолжали стоять на антидемократических позициях. На завершающем этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания во всем мире наметился мощный порыв к развитию буржуазно-либеральной демократии. В психологии масс в Бразилии и других латиноамериканских странах произошел резкий скачок от благородной, но относительно пассивной симпатии к антигитлеровской коалиции, в том числе и к СССР, к активным и решительным выступлениям с требованием незамедлительного развития демократических порядков.

В марте 1945 г. в Бразилии была основана Трабальистская (трудовая) партия, почетным председателем которой стал Варгас. В апреле 1945 г. президент объявил политическую амнистию. Бразильская коммунистическая партия вышла из подполья. Из тюрьмы был освобожден и Престес. Довольно быстро сложилось взаимодействие между трабальистами и коммунистами и даже их прямое политическое сотрудничество по проблемам демократизации страны. На стотысячном митинге 19 мая 1945 г., прошедшем на стадионе в Рио-де-Жанейро, Варгас и Престес вместе с трибуны приветствовали собравшихся и обещали совместно решительно бороться за «настоящую демократию» в интересах всей нации.

Казалось бы, предпосылки для укрепления популистской тенденции складывались самым прекрасным образом. Однако рост массовых выступ-

лений и явный сдвиг Варгаса «влево» подтолкнули реакционную военщину на мятеж против президента «Нового государства». 29 октября 1945 г. по приказу военного министра генерала Г.Монтейро войска окружили президентский дворец. Под угрозой ареста Варгас был вынужден подписать заявление о своей отставке. Власть перешла к председателю Верховного суда Линаресу. Это была фигура чисто декоративная. На деле рычаги управления оказались в руках военных. Тем не менее на выборах 2 декабря 1945 г. коммунистам удалось собрать до 570 тыс. голосов, а Луис Карлос Престес был даже избран сенатором. Президентом стал генерал Дутра, который начал проводить политику компромиссов и «успокоения». В сентябре 1946 г. была принята новая конституция, достаточно либеральная. Главное, что официально закончилась жизнь авторитарного «Нового государства». Сам Варгас на какое-то время оказался в тени и в «большой политике» не участвовал. Стала затухать и популистская идея.

В августе-сентябре 1947 г. обстановка опять резко обострилась. В связи с началом «холодной войны» правительство Дутры 20 октября разорвало дипломатические отношения с СССР, установленные Варгасом в апреле 1945 г. Коммунистов вновь загнали в подполье. Развернулись гонения против трабалистских профсоюзов. Все это свидетельствовало о мощном наступлении реакции. И тут, как всегда бывает, действие вызвало противодействие. Тяга народа к демократии не только не ослабла, но, наоборот, возросла. Стал быстро возрождаться авторитет Варгаса и его трабальстской партии. Сам он все больше воспринимается как жертва переворота 1945 г. и подлинный борец за демократию и интересы нации. На выборах 1950 г. он победил и вновь оказался в президентском кресле. На волне демократического популизма Варгас перешел к политике решительного укрепления государственного сектора экономики, развитию идеи «социального мира» и трабализма на основе общего националистического реформизма и борьбы против экспансии международного капитала, за экономическую и политическую самостоятельность Бразилии. Такая политика имела явно позитивное значение. Популизм быстро набирал силу. Но в дело опять вмешался реакционный генералитет.

В августе 1954 г. Варгас, испытывая давление армии и иностранных монополий, не смог решиться опереться на народ, как это было в 1930 г. благодаря настоянию тенентистов. Он, по правде говоря, на этот раз просто струсил. В ночь на 24 августа 1954 г. Варгас не только подписал акт об отставке, но в каком-то нервном потрясении застрелился в своем кабинете. Августовский кризис завершил собой большой период в истории страны — период жизненной активности патриотического популизма. И хотя некоторое время после самоубийства президента широкие слои рабочего класса, средних слоев, демократическая интеллигенция пытались проводить протестные выступления и забастовки, дело было сделано: без харизматического лидера и в условиях буржуазно-либерального авторитаризма классический бразильский популизм закончил самостоятельное существование.

В последующие десятилетия популистские тенденции то усиливались, то ослаблялись, но вся расстановка политических сил, вся моральная ситуация и социальная активность масс приобрели новое качество и характер. Эта тема подробно исследована Л.С.Окуновой и Б.Ф.Мартыновым, что освобождает меня от ее рассмотрения³⁹.

Заканчивая рассказ об активной жизни бразильского популизма, отмечу, что и после смерти Варгаса в стране сохранялись и действовали достаточно сильные популистские традиции, но все же это были только последние классического популизма. Ему на смену пришла современная эпоха со своими особенностями. Популизм, на мой взгляд, был плодом определенного исторического этапа, определенного уровня развития и сочетания различных социальных энергий, особого типа психоментального и духовного состояния нации. Теперь созревают иные плоды новой эпохи. Они еще способны питаться соками популизма, но вырабатывают собственную энергию и рожают новых харизматических или нехаризматических лидеров, новые формы социального поведения.

Политическая жизнь столь сложна и противоречива, что ее нельзя мерить только идеологическими и прагматическими категориями. Не поддается она и разделению по принципу добро — зло. В ней одновременно переплетаются и прогресс и регресс, и добро и зло, и ложь и правда, и порядок и хаос, и рации и эмоции. И многие другие мысли и поступки, настроения и разочарования, вера и безверие, честь и подлость. Вот почему на прежние рациональные оценки и суждения, причем часто прямо противоположные, я набрасываю общее и объединяющее этическое покрывало имморальности. Это успокаивает душу и позволяет каждому спокойно и вдумчиво, а главное самостоятельно и свободно, сделать персональный выбор между «хорошо» и «плохо» как в истории, так и в личном существовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б.П а с к а л ь. Письма к провинциалу. Цит. по: Августин Аврелий. Блез Паскаль. Лабиринты души. Симферополь, 1998, с. 238.

² П л а т о н. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. М., 1994, с. 418.

³ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 368.

⁴ Э.Ф р о м м. Психоанализ и этика. М., 1993, с. 31—32.

⁵ Б.П.В ы ш е с л а в ц е в. Этика преображенного Эроса. М., 1994, с. 100.

⁶ Подробнее см.: В.М.Х а ч а т у р я н. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.

⁷ Этот вопрос широко освещается в мировой философии, истории и социологии, что избавляет меня от его рассмотрения.

⁸ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с. Соч., т. 20, с. 95—96.

⁹ И.К а н т. Лекции об этике. Приложение к книге А.А.Гусейнов, Г.Иррлиц. Краткая история этики. М., 1984, с. 572.

¹⁰ А.Б л а ж е н н ы й. Исповедь. М., 1988, кн. III, гл. 7, строфа 12.

¹¹ И.Ф.Г е т е. Избранные произведения в двух томах. Том 1. Фауст. СПб, 1997, с. 52.

¹² Ф.Н и ц ш е. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1990, с. 435.

¹³ А.Д а н т е. Собрание сочинений в двух томах. Том 2. М., 2001, с. 72.

¹⁴ А.Б е р г с о н. Творческая эволюция. М., 1998, с. 246—247.

¹⁵ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с. Соч., т. 1, с. 65.

¹⁶ Л.Н.Т о л с т о й. Об истине, жизни и поведении. М., 1998, с. 87.

¹⁷ Л.Н.Т о л с т о й. Путь жизни. М., 1993, с. 178.

¹⁸ G. G e r m a n i. Sociología de la modernización. Estudios teóricos, metodológicos y aplicados a América Latina. Buenos Aires, 1969, p. 71.

- ¹⁹ Di Tella, S.Torcuato. Populism and Reform in Latin America. — Obstacles to change in Latin America. New York, 1965, p. 47.
- ²⁰ А.Л.Оппенхейм. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990, с. 3.
- ²¹ Подробнее см.: С.М.Хенкин. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20—30-е годы. М., 1985.
- ²² Цит. по Б.И.Коваль. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005, с. 48—49.
- ²³ Там же, с. 97.
- ²⁴ Там же, с. 98.
- ²⁵ Цит. по: Очерки истории Бразилии. М., 1962, с. 310.
- ²⁶ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). М., 1935, с. 399.
- ²⁷ The South American Journal and Brazil and River Plate Mail. 1.XI.1930, p. 440.
- ²⁸ N.A.Phillips. Brazil Bulwark of Inter'American Relations. New York, 1945, p. 129.
- ²⁹ См. подробнее: Н.П.Калмыков. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс (1930—1945). М., 1981.
- ³⁰ См.: Очерки истории Бразилии. М., 1962, с. 171.
- ³¹ Там же, с. 173.
- ³² Эти события подробно рассмотрены мною в книге «Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса» (с. 169—222).
- ³³ Y.W.F.Duiles. Vargas of Brazil A Political Biography. Austin Univer. Of Texas Press. 1967, p. 166.
- ³⁴ L.C.Prestes. Problemas atuais da Democracia. Rio de Janeiro, 1948, p. 33.
- ³⁵ Откровения фашистских людоедов. М., 1942, с. 34.
- ³⁹ Л.С.Окунев. Бразилия: особенности демократического проекта. М., 2008; Б.Ф.Мартынов. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., 2008.